

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ И. М. ТРОНСКОГО – 2003

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – VII**

Материалы чтений,
посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

16-18 июня 2003 г.

Санкт-Петербург
«Наука»
2003

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ГОДА И ПРОБЛЕМА LOCATIVUS Sg. В АКРОСТАТИЧЕСКОМ СКЛОНЕНИИ*

Одной из нерешенных проблем современной индоевропеистики остается апофоническая структура формы локатива единственного числа в акростатическом склонении. Распространена точка зрения, согласно которой в одном из подтипов акростатического склонения в корне слова чередовались ступени аблаута $\bar{e}$ - и o - (ср. др.-гр. ὄφις ‘змея’ / арм. *iž* ‘гадюка’ < *H₁ēg^{wh}i-, см. Nussbaum 1998: 150, прим. 179). Цель настоящей работы — поставить под сомнение это положение; так, одним из примеров на сосуществование $\bar{e}$ - и o - в одной парадигме является и.-е. обозначение года, рефлекс которого сохранены почти во всех языках.

И.-е. обозначение года реконструируется в ряде недавних работ как *H_xi_o/ēH_xṛ, *H_xiéH_x-ŋ-s (например, Йохем Шиндлер и Хайнер Айхнер *apud* Weiss 1993: 125ff., Anm. 7, 8, Schindler 1994: 398; Tremblay 1998: 321 реконструирует *H₂i_oH₁ṛ). Нам представляется, что основания для реконструкции гетероклитической основы недостаточны; далее будет обосновано альтернативное решение.

С нашей точки зрения, г.-ав. *yār*², п., восходит к гистерокинетическому номинативу *H_xi-ér; дериват последнего *H_xiér-o- (гот. *jēr*, др.-верх.-нем. *jār*, ср. также тох. В *ñerwe* ‘сегодня’ < *(H₁)ne-iér-uo-) сопоставим по своей морфологической структуре с такими производными, образованными с помощью (поссессивного?) суффикса o - от гистерокинетических номинативов, как лат. *seuērus* ‘строгий, суровый’ < *seĝ^huēr-o- или τέκμηριον ‘свидетельство, довод’ < *k^weġmēr-o- (Nussbaum 1998: 536). В гистерокинетической парадигме корень выступает в нулевой ступени аблаута во всех падежах, ср. *H₂s-tér или H₂uk^ws-én, тем самым *H_xi-ér представляет собой ожидаемую форму Nom. Sg. от гистерокинетического имени, которое, в свою очередь, является продуктом внутренней деривации (internal derivation) от предполагаемого *H_xoi-ṛ *uel sim.*, таким же, как *τέκμηρ от τέκμαρ¹. Др.-гр. ὄρος, ὄρα², восходящие к *H_xiōr-o-,

* За ценные критические замечания я благодарю Николая Николаевича Казанского (С.-Петербург), Мартина Петерса (Вена), Ксавье Трамбле (Вена) и Джэя Фридмана (Лос-Анжелес).

¹ Возможен и несколько иной морфологический анализ, который представляется нам даже более интересным: алломорф *H_xi-er может представлять собой локатив от *H_xoi-ṛ/*H₁iér (местный падеж должен был быть особенно употребителен у слова со значением ‘время, отрезок времени’); деривационную цепочку *H_xoi-ṛ, Loc. Sg. *H_xi-er ⇒ *H_xi-ér можно

является, со своей стороны, тематическим дериватом от голокинетического Nom. Sg. *H_x(e)jōr³, ср. лат. *aurōra* < *H₂eūsōs-o- (ср. ἠώς, др.-инд. *uṣāḥ*) как и лат. *hōrnus* < *hō-H_xjōr-no-. Можно

сопоставить с *H₂eūsōs ‘заря’ (др.-инд. *uṣāḥ*, гом. ἠώς), Loc.Sg. *H₂us-s-ér-[i] (др.-инд. *uṣar*-[*búdh*-]) ⇒ *H₂us-s-ér ‘то, что на заре’ > ἄηρ ‘утренний туман’ или с *d^héġ^h-ōm ‘земля’, Loc.Sg. *d^hġ^h-m-én ⇒ *d^hġ^h-m-ó(n) ‘тот, что на земле’ > ст.-лит. *žmuō* ‘человек’ (*locus classicus*: Nussbaum 1986: 236, 243). Возможно также, что речь идет не о деривационном процессе *sensu stricto* (т.к. выявить соответствующую словообразовательную семантику может быть затруднительным), но о реинтерпретации употребительной формы *H_xj-er в качестве локатива без окончания *H_xjer от основы гистеродинамического склонения. “Schwebeablaut” (*scil.*, нерегулярные полные ступени аблаута) в локативных образованиях был описан Нуссбаумом и Петерсом, см. Nussbaum 1986: 52, прим. 11; 189; Peters 1997 [2002]: 108-109 (*H₂eús-er > вед. *vasar*[*-hán*-] от *H₂eūsōs; *ġ^héjimen > др.-инд. *hémān* YV, TS, Bṛ от *ġ^h(i)jém, *ġ^him-). Принимая структуру локатива W₀Se в o/e-акростатических парадигмах, мы опираемся на работы Нуссбаума и Шиндлера (Schindler 1994: 397; Nussbaum 1998a: 150, Anm. 179; пример Шиндлера — *ud-en [вед. *udán*]/ *ud-er [в деривативе *ud-ró- > вед. *udrá*-, др.-гр. ὕδρος], локатив от *uodr, *uedr-) и надеемся в отдельной работе осветить свои взгляды на этот запутанный вопрос; мы полагаем, что ē-ступень в локативе была свойственна лишь корневым именам (ср. *dóm-/ *dém-s, Loc.Sg. *dém > г.-ав. *dam*; *ród-/ *péd-s, Loc.Sg. péd в др.-ирл. *ís*, алб. *-posh*, ср. *përposh* ‘под’) < *péd-su/i). К локативу в o/e-акростатической гетероклитической парадигме ср. мл.-ав. *išarə* ‘тотчас’ < *H₁is(H₂)-er от *H₁o/ejs(H₂)-r/n- (ср. др.-гр. ἵαίνω = др.-инд. *iṣanyāti* ‘setzt in Bewegung’ < *H₁is-ŋ-H₂-je/o-) или др.-инд. *ádhvān*-, м., ‘дорога, путь’, г.-ав. *aduan*-, которые мы предлагаем возводить к *H₁nd^huen и трактовать как локатив без окончания в парадигме *H₁ond^h-ur, Gen.Sg. *H₁end^h-un-s ‘(при)хождение’ (тот же корень, что в др.-гр. ἐνθελν ‘прийти’); эту парадигму мы восстанавливаем, с одной стороны, на основании др.-исл. *ondurr* ‘обувь для снежной погоды’, которое восходит к *H₁ond^h-ur-o-: как o-ступень в корне, так и нулевая ступень суффикса указывают на деривационную базу *H₁o/end^h-ur/-ŋ-; с другой стороны, мы имеем др.-инд. наречие *adhunā* ‘сейчас’, традиционно трактуемое как Instr.Sg. от *ádhvān*-, нулевая ступень в суффиксе которого может служить дополнительным свидетельством в пользу акростатической парадигмы.

² К фонетическому развитию анлаутной группы *H_xj- > /h-/ (vs. *j- > ζ-) см. García-Ramón 1999. К реконструкции начального ларингала в глаголе ‘идти’ не только на основании теории корня Бенвениста см. Cowgill 1965: 162, прим. 46.

³ Рефлексы голокинетического номинатива и производные от него регулярно получают в древнегреческом нулевую ступень корня: ср. χθών, σκῶρ, ὕδωρ и т.д.; не исключено, что такая апофония у производных была уже праязыковой нормой, ср. *H₁soġ-o- в хетт. суффиксе имен женского рода -ššara.

сопоставить с этой ситуацией сосуществование др.-гр. (τὰ) εὐληρα ‘поводья’ < *H₁ul-ēr-o- и лат. *lōrum* ‘id.’ < *H₁ul-ōr-o-: первое представляет собой дериват от гистерокинетического имени, второе — от голокинетического (Peters 1980: 49). Др.-инд. *pariyāriṇī-* ‘nach einem Jahr erst kalbende Kuh’ (Kāṭh +)⁴, др.-перс. *dušiyār(a)-* ‘Missjahr’ 2x D 4,3, а также праслав. *jaгь- ‘лето, весна’ могут восходить как к *H_xiēr-o-, так и к *H_xiōr-o-⁵.

Основной аргумент сторонников реконструкции *H_xiō/ēH_xr, *H_xiéH_x-ŋ-s⁶ — это мл.-ав. формы *yā* (N. 42, N. 43, N. 44) / *yā* (N. 4, N.

⁴ Отметим отсутствие ларингального рефлекса (ожидалась бы форма †*pariyāriṇī-*); объяснить этот феномен можно посредством закона Соссюра (*H_xiōr-o- > *iōr-o-) либо выпадением ларингала в словосложении.

⁵ Этимологизируя др.-гр. теоним Ἦρα, Н.Н. Казанский предлагает сопоставление со славянским материалом на уровне текста (ср. Ἦρακλῆς ~ *Jaro-slavъ) с дальнейшим сравнением со слав. корнем *jaг-, передающим «идею ярости, страсти, полноты сил, гневливости» (Казанский 1989: 58); если, как предлагает в своем семасиологическом исследовании Б.А. Ларин, этот корень не омонимичен, а родственен *jaгь / *jara ‘весна, лето’ (Ларин 1977), мы получаем морфологическое соответствие гот. *jēr* в древнегреческом Ἦρα. Однако для того, чтобы семантически обосновать связь, предлагаемую Лариным, с учетом материала всех и.-е. языков, приходится, как нам кажется, принимать достаточно сложное семантическое развитие для корня *H_xiēr-: ‘год’ > ‘весна, лето’ > ‘жаркое время’ > ‘страсть, гнев’; такое развитие должно было быть параллельным в древнегреческом и славянском (обратное представляется в высшей степени маловероятным: ‘страсть, гнев’ в славянском > ‘весна, лето’ > ‘год’ во всех и.-е. языках); мнение Ларина отвергнуто и в ЭССЯ *s.u.* *jaro/*jara/*jaгь. Относительно др.-гр. Ἦра заметим, что, наш на наш взгляд, нет возможности прямо сопоставлять Ἦра с лат. *Iūnō* и, тем более, возводить к общей гетероклитической парадигме (*Iūnō*, скорее, < *H₂iūH_{1/3}n-on- к др.-инд. *āyu-*, см. Rix 1981: 107-111). См. также этимологическое решение для Ἦра и литературу последнего времени в работе [Peters 2002]; наконец, отметим сопоставление Феликса Сольмсена, согласно которому слав. *jaгь ‘страсть’, ‘пыл’, ‘гнев’, ‘ярость’ может быть родственно др.-гр. ζωρός ‘несмешанный’, ‘крепкий’, ‘сильный’, ср. ζωροτάτη μαίη (Solmsen 1903: 436).

⁶ Методологически решительно неприемлема для нас реконструкция -o-степени в парадигме рассматриваемого слова исключительно на основании суффиксальных дериватов, в данном случае, др.-гр. ὄρα: -o- ступень в корне деривата *hōro- > ὄра может быть обусловлена деривационным процессом, детали которого, впрочем, не ясны (ср. гот. goth. *raups* ‘красный’ < (H₁)roϥd^h-o-, см. Nussbaum 1998a: 535).

44⁷): обычно они понимаются как Gen.Sg. к $yār^{\circ}$ и возводятся к $*H_xjéH_x-n-s uel sim.$ (Hoffmann-Forsman 1996: 153)⁸.

Однако эти формы представляются нам ненадежными с текстологической точки зрения: четыре раза они представлены в конструкции $naēmāt (caθrušum) yā̇/yā$ ‘полгода/четверть года’; все примеры из текста *Nīrangistān* (среднеперсидский текст с авестийскими цитатами), где другие рукописи (*HJ* или *TD*) дают чтения $naēmāt (caθrušum) yār^{\circ}$ (N.43, N.44) или $naēmāt (caθrušum) yārō$ (N.42, N.44)⁹. Отметим, что в сходном предложении $gāθā a-srāvayō naēmāt yārə$ ‘(wenn) er ein halbes Jahr lang die Opferlieder nicht zu gehōr gebracht (haben sollte)’ N. 45 рукописи дают лишь разночтения $yār^{\circ}$ и $yārō$. В N. 4 интересующая нас форма появляется в словосочетании $θriš yā$ ‘dreimal des Jahres’ и дается без разночтений¹⁰; однако, для той же конструкции в N. 11 рукописи дают лишь чтение $θriš yār^{\circ}$. Наконец, подчеркнем, что в рукописях трактата *Nīrangistān* нередко пропуски последних слогов/букв слова (например, среди занимающих нас строчек: $vāstr[a]$ N. 43 или $naēm[əm]$ N. 44). Итак, суммируем наши выводы: существование форм Gen.Sg. $yā̇/yā$ нельзя признать несомненным; в четырех из пяти случаев можно принять чтение $yār^{\circ}$ (Acc.Sg.) или $yārō$ (Gen.Sg.) из параллельных рукописных

⁷ N. 4 иногда обозначается в старых работах как E. 4, в соответствии с названием *Airpatastān / Ehrpatistān / Ērbedestān*.

⁸ Если считать вслед за Шиндлером, что *lectio difficilior* — это $yā$ (Schindler 1982: 194), то эта форма должна восходить к праиндоиран. $*jaHans$; в качестве транспоната можно думать о и.-е. $*H_xjéH_xens$: эту реконструкцию принимает и Шиндлер, основываясь на том, что “ein Genetivausgang $*-n-s$ nirgends bezeugt ist”. Согласно теории Шиндлера о нормализации исхода акростатических основ, в частности, гетероклитических, следует считаться с возможностью появления полной ступени аблаута в суффиксе основы косвенных падежей (см. Schindler 1975: 7, Schindler 1994: 397): в праформе $*H_xjéH_x-en-s$ имеет место аналогия к форме локатива, которая, как мне любезно напоминает Мартин Петерс, должна была быть одной из самых частотных у слова со значением ‘год’. Таким образом, было бы методологически неверным на основании индо-иран. окончания Gen.Sg. $*-an-s$ делать вывод о протерокинетическом склонении.

⁹ С синтаксической точки зрения возможен как согласованный аккумулятив ($yār^{\circ}$), ср. $naēmāt bagām$ Vd.2 или $pour^m tca vā naēme asne aparāmca$ V. 4, 45, так и генитив ($yārō$), зависящий от $naēma-$.

¹⁰ В этом случае можно с уверенностью говорить, что перед нами форма родительного падежа, так как использование числительного наречия (в частности, $θriš$) с *Gen. temporis* хорошо известно как для древнеиранского, так и для индоевропейского, ср. Vyt. 41 $θrišciṭ hamahə aiiqñ$ ‘dreimal an jedem Tage’ или др.-гр. τρίς τοῦ ἑνιαυτοῦ.

традиций¹¹. Появление варианта *yā*, вслед за Шиндлером (Schindler 1982: 194), можно приписать влиянию соседнего *gāθā*.

Даже, если, вопреки вышеприведенным доводам, формы *yā/yā* филологически надежны, реконструкция $*N_xjō/ēN_xr$, $*N_xjéN_x-ŋ-s$ не является единственной возможностью для их объяснения¹²; с другой стороны, появления формы *yārō* мы вправе ожидать в гистерокинетической парадигме, ср. г.-ав. *āθrō* ‘огня’, мл.-ав. *brāθrō* ‘брата’ или *dāθrō* ‘подателя’¹³. Неясно, заслуживает ли доверия форма Асс. Sg. *hazaŋrəm yārəm* Vyt. 5 ‘den tausenden Jahr’: в том случае, если, несмотря на скептицизм Кристиана Бартоломэ („wertlose Stelle“) форма филологически надежна, то она продолжает гистерокинетический аккузатив $*N_xjérŋ$ m./f. (ср. $*pH_2térŋ$ > jav. *pitarəm*; в нашем случае с аналогической долготой в корне, проникшей из Nom.Sg.).

Итак, иранские факты нельзя считать надежным аргументом в пользу реконструкции $*N_xjō/ēN_xr$, $*N_xjéN_x-ŋ-s$; требует комментария и ее фонологический аспект. Если восстанавливать конечный ларингал корня как N_1 , становится невозможным возведение лик. аблативных форм *nuredi nuredi* ‘mit jedem neuen Zeitabschnitt’ (< $*nu(i)-ere(i)-$, Starke 1990: 117, Anm. 339) к этому же корню, поскольку в рамках фонологии Крэйга Мелчерта общеанат. $*/ā/$ < $*eN_1$ отражается в ликийском как $/a/$ ¹⁴ (принимает это правило и Норберт Эттингер, см. Oettinger 1998: 99, в то время, как Ксавье Трамбле в рецензии на книгу Мелчерта высказался против такого решения, см. Tremblay 1999/2000: 218, прим. 5). В соответствии с этим правилом те, кто реконструируют ‘год’ как $*N_xjōN_xr$, $*N_xjéN_x-ŋ-s$, должны возводит ликийскую форму к основе с

¹¹ Как и поступают некоторые издатели, например, Анатолий Вааг, который читает в N. 44 (конец) *raθrum vā naēmēm yārō aparəm vā pa'rii-a-štaiiēiti pišō-tanuš* (Waag 1941).

¹² Если исходить из чтения *yā*, то в качестве праформы можно думать либо о $*jāns$ (ср. Асс.Pl. *gā* ‘быки’ < индо-иран. $*gāns$ < $*g^{w}ōns$ < $**g^{w}ōums$), либо о $*jāHas$ (ср. Gen.Sg. *mazdā* < $*mas-daHas$ < $*mŋs-dheH_3es$): $*jāHas$ < $*N_xjéN_x-ŋ-s$ может представлять собой ненормализованный Gen.Sg. от $*N_xjōN_xr$ (Tremblay 1998: 321 реконструирует $*H_2jōN_1r$). Отметим, тем не менее, что индо-иран. $*jāHas$ может восходить не только к $*N_xjéN_x-ŋ-s$, но и к $*N_xjéN_xes$, т.е. к архаичной форме Gen.Sg. от $*N_xjéH_2$ (тип. др.-инд. *juā* = мл.-ав. *jiiā*?), $-eH_2$ -деривата от того же корня (ср. *ciθā* V. 5.26 от *ciθā* ‘Busse’).

¹³ Форма генитива $*-as$ из “fléxion ouverte” была явно продуктивной в авестийском: отметим мл.-ав. *hūrō* (Y. 1, 16; Yt. 13, 57), использованное в качестве Gen.Sg. от *huuar*³ ‘солнце’ вместо закономерных г.-ав. $x^{w}ēŋ$ и мл.-ав. *hū*.

¹⁴ Следует ли трактовать наш случай как пример умлаута $*nui-are(i)-$ > $*nu(i)-ere(i)-$?

долгим корневым гласным $*H_xj\acute{e}H_{1,2,3}$ -¹⁵, появление которой морфологически не вполне мотивированно¹⁵, в то время, как реконструкция $*H_xj\acute{e}r$ - объясняет ликийские данные без проблем.

Более затруднительна диахроническая интерпретация клин.-лув. $\check{a}ra/i$ = иер.-лув. ara/i ‘время’¹⁶; поскольку начальный $*/j/$ выпадает лишь перед $/e/$ (Melchert 1994: 77), интересующие нас формы не могут восходить ни к $*H_xj\acute{o}r$ -о-, ни к $*H_xj\acute{e}H_{2/3}r$ -о-¹⁷, например, начальный $/j/$ сохранен в Nom.-Akk. Pl. n. $i\acute{u}na-a\check{h}i\check{s}a$ ‘Gehvermögen’ (Starke 1990: 164). Реконструкция $*H_xj\acute{e}r$ -о- противоречит, в свою очередь, иер.-лув. $ti\text{-}pa\text{-}s(V)$ ‘небо’ < $*n\acute{e}b^hes$ - с развитием $/\bar{e}/ > /i/$. Учитывая клин.-лув. Abl.Sg. $na\text{-}(a)\acute{u}wa\text{-}ti$ ‘новый’ = иер.-лув. $na\text{-}wa/i$ ‘пра-правнук’ < $*n\acute{e}uo$ - (Melchert 1994: 244), кажется возможным возведение $\check{a}ra/i$ к $*H_xj\acute{e}r$ -о-; однако, согласно фонологии Крэйга Мелчерта в лувийском $/e/$ после $/j/$ переходит в $/i/$ (Melchert 1994: 262)¹⁸. В свете вышесказанного обычно (e.g. Melchert 1994: 265) лувийские слова возводятся к $*j\acute{e}H_1r$ -о- (ср. $wa\text{-}a\text{-}ar\text{-}\check{s}a$ ‘вода’ < $*\check{u}eH_1r$). Нам представляется, что поскольку в хеттском и в лувийском интервокальный $*/j/$ выпадал (клин.-лув. 3Pl. Präs. Med. $\check{u}a\text{-}a\check{s}\text{-}\check{s}a\text{-}an\text{-}ta\text{-}ri$ ‘они одеваются’ < $*\check{u}os\acute{e}j\acute{o}$ -)¹⁹, интересующие нас формы могут восходить к $*H_xj\acute{e}j\acute{o}r$ -о-, т.е. тематизации от $*H_xe\acute{j}o$ -, основы сильных падежей голокинетической парадигмы.

Валл. $i\acute{a}r$, Pl. $ieir$ ‘курица’²⁰ не может свидетельствовать в пользу реконструкции с внутренним ларингалом (с $/a/$ как рефлексом вокализованного ларингала, как предлагает, например, Numan 1985: 57): если $i\acute{a}r$ восходит к пракельт. $*j\acute{a}r\text{-}\bar{a}$, последнее может продолжать и.-е. $*H_xj\acute{r}$ -о-, scil. $*H_xj\acute{r}\text{-}\acute{o}$ - (в качестве параллели к деривационной модели ср. др.-гр. $\acute{i}\alpha\tau\rho\acute{o}s$ ‘врач, лекарь’ от гистеродинамической основы $\acute{i}\alpha\tau\eta\rho$ ‘целитель’), при этом нерегулярная вокализация может быть объяснена либо как результат действия аналогии со стороны корней типа set (TeRH_x > пракельт. $*TaR\text{-}V$, ср. др.-ирл. dam ‘вол’ <

¹⁵ Объяснимо оно лишь для тех, кто принимают аблаутное чередование $/\acute{e}/ \sim /o/$ в рамках одной парадигмы.

¹⁶ Примеры см. Melchert 1993: 24 и Hawkins 2000: 67.

¹⁷ Рефлексы $/j/$ и $/H_xj/$ идентичны: ср. хетт. ewa - ‘ячмень’ (др.-гр. ζειαί) vs. хетт. $(i)\acute{e}zzi$, клин.-лув. $\acute{a}ti$ (др.-гр. ἴημι).

¹⁸ Во всех примерах, которыми Мелчерт подтверждает это правило, $/j/$ продолжает $*/g/$, $*/\acute{g}/$: в качестве примера, призванного иллюстрировать развитие $*/j\acute{e}/$ приводится исключительно глагольный суффикс $-i$ -, для которого могут быть и другие объяснения.

¹⁹ См. Melchert 1984: 164; иначе Melchert 1994: 260.

²⁰ Циркумфлекс дает основания предполагать, что Nom. $i\acute{a}r$ восходит к $*j\acute{a}r\text{-}V$ -.

*dmH₂-o-), такой же, как в случае др.-ирл. *daur* ‘дуб’, ср.-валл. *dâr* < *daru- < *dru- (см. Joseph 1980: 216), либо посредством т.н. варианта Линдемана (тип *kuō̃(n) > κύων, *(d^h)ġ^hm-eH₂-í > χαμαί).

Отметим в качестве еще одного минуса реконструкции *H_{x̣}jo/ĕH_{x̣}r, *H_{x̣}iéH_{x̣}-ŋ-s полное отсутствие дериватов от основы косвенных падежей *H_{x̣}iéH_{x̣}-ŋ- / *H_{x̣}iéH_{x̣}-en- (которая, в основном, и используется при словообразовании).

В отношении славянского материала предлагаемая нами реконструкция *H_{x̣}iēr, несомненно, более оправданна, чем *H_{x̣}jo/ĕH_{x̣}r, *H_{x̣}iéH_{x̣}-ŋ-s: получает разрешение проблема, отмеченная Майклом Вайсом (Weiss 1993: 126-7, прим. 8), а именно, слав. основа на -i *jarь объясняется через рефлекс Асс. Sg. *H_{x̣}iērŋ > **jarim*²¹ (гетероклитик среднего рода *H_{x̣}jo/ĕH_{x̣}r не мог обладать формой Асс. Sg. с окончанием *-ŋ)²².

Может возникнуть вопрос, не говорит ли средний род скорее в пользу гетероклитической парадигмы *H_{x̣}joH_{x̣}r, *H_{x̣}iéH_{x̣}-ŋ-s; отметим, однако, что если трактовать *yā̃/yā̄* как форму генитива (стратегия Шиндлера), мы лишаемся любого указания на род (кроме сомнительного *yārəm* Vyt. 5), потому, что все контексты,

²¹ Именно такое решение, по-видимому, имеем в виду Андре Вайан: “ancien athématique adapté en slave en *jarī*” (Vaillant 1974: 644). Ср., например, ст.-сл. **вьсь** vs. др.-инд. *vís-*, ст.-сл. **звѣрь** vs. др.-гр. θήρ, лит. *žąsis* vs. др.-гр. χήν.

²² Следует признать, что возможно и иное объяснение для появления на славянской почве основы на -i, а именно, деривационная процедура, разработанная Шиндлером (Schindler 1980) и описанная Нуссбаумом (Nussbaum 1999: 399) и Ирене Баллес (Balles 2000), согласно которой от тематических прилагательных путем внутренней деривации образуются имена существительные с основой на -i- и с акростатическим склонением (o/e аблаут в корне); другими словами, в праиндоевропейском -i использовалось для субстантивации прилагательных, при этом суффикс -i заменял тематический гласный, ср. арм. *alb* ‘экскремент’ [i-основа] с хеттским *šalpa-* ‘грязный’, *H₂(e)kro- ‘высокий’ (ἄκρος) > *H₂okri- ‘верхушка’ (*ocris*, ὄκρις/ἄκρις), лат. *rauius* ‘хриплый’: *rauis* ‘хрипота’, хетт. *dannatta-* ‘пустой’: *dannatti-* ‘опустение’, вед. *jīrá-* ‘быстрый’: *jīri-* ‘поток воды’, ав. *tīyra-* ‘заостренный’: *tīyri-* ‘стрела’ (на русском языке см. Николаев 2002). Эта деривация стала продуктивной именно в славянских языках, ср., например, абстрактные имена на *-ostь, образованные от прилагательных на *-osto-. Ввиду отсутствия i-основы среди производных от *H_{x̣}iēr- в других и.-е. языках, кажется маловероятной трактовка *jaġ как древней i-основы; непродуктивность и малочисленность этого именного класса исключают, думается, иные возможности (аналогия к *jesenь возможна, но значение *jaġ ‘(яровой) хлеб’ в сербохорватском, словенском, старочешском, древнерусском, польском говорит скорее против).

позволяющие определить род мл.-ав. $yār^2$, относятся именно к тем местам текста *Nīrangistān*, для которых рукописи дают разночтения $yā̇/yā$. Нами было предпочтено чтение $yārō$ (Gen.Sg.), однако, как мы указали выше, возможно принять и чтение $yār^2$ (Acc.Sg. n.); в последнем случае естественно думать, что обозначение года перешло в средний род по аналогии с многочисленными именами среднего рода с исходом на $-ar^2$ (*aogar^2* ‘сила’, *rāzar^2* ‘приказ’, *huuar^2* ‘солнце’ и т.д.) и прежде всего, конечно, по аналогии с *aiiar^2* ‘день’ (ср. V. 2, 41 *taēsa aiiar^2 ma'niiēte yaṭ yār^2* ‘sie halten für einen Tag, was ein Jahr ist’). С другой стороны, нам известны имена гистерокинетического склонения и среднего рода, ср. хетт. *utnē* ‘земля’ или славянские имена на $*-mēn-$.

Подытожим разбор проблем, связанных с реконструкцией и.-е. ‘года’: мл.-ав. формы $yā̇/yā$, свидетельствующие в пользу $*H_xjō/éH_xr̥$, $*H_xjéH_x-ŋ-s$, ненадежны с текстологической стороны и допускают иные диахронические интерпретации; однако, следует признать, что несмотря на значительное количество соображений филологического, фонологического, словообразовательного и морфологического характера, говорящих против реконструкции $*H_xjōH_xr̥$, $*H_xjéH_x-ŋ-s$, продемонстрировать ее невозможность и отвергнуть ее окончательно не представляется возможным. Тем не менее, возможно и альтернативное решение, объясняющее данные всех и.-е. языков: реконструкция акростатического имени $*H_xójr̥$ ($*H_xéjr̥?$), Gen.Sg. $*H_xéj-ŋ-s$, Loc. Sg. $*H_xj-er$, от которого, с одной стороны, путем внутренней деривации было образовано собирательное имя голокинетического склонения $*H_xéjōr̥$ (от которого, в свою очередь, образован дериват $*H_x(e)jōr̥-o-$ > др.-гр. ὄρα, лув. *ara/i-*), с другой стороны, посредством делокативной деривации было образовано имя гистерокинетического склонения $*H_xjér̥$ (дериват от которого $*H_xjér̥-o-$ отражен в гот. *jēr*, др.-верх.-нем. *jār*, а также в тох. В *ñerwe*). Мы предполагаем, что реконструированное нами имя $*H_xójr̥$ напрямую отражено в г.-ав. *aiiar^2* ‘день’^{23,24} и поэтому приписываем $*H_xójr̥$

²³ Не вполне ясным остается, к какому корню восходит др.-гр. ἦρι ‘рано’: это слово возводилось к праформе $*H_2us-s-er-i$, Loc.Sg. от $*H_2eūsōs$ ‘заря’ (см. Nussbaum 1986: 236); но есть возможность сравнить ἦρι с ἄριστον ‘завтрак’ < $*ājēri-H_1d-to-$ и германскими наречиями со значением ‘рано’ (got. *air*, anord. *ār*, ahd. *ēr*), этому решению отдает предпочтение Мартин Петерс (Peters 1989: 147). Как германский, так и греческий материал указывает на (Loc.?) $*H_2éjē(i)-$ с вторым ларингалом, и если г.-ав. *aiiar^2* относится к этому же корню (семантическую близость между ‘рано’ и ‘день’, впрочем, нельзя считать очевидной), то мы имеем две возможности: либо мы отделяем $*H_2éjr̥$, Loc. $*H_2éjē$ ‘раннее время суток’ от $*H_xójr̥$, Loc. $*H_xjér̥$ ‘законченный отрезок

значение ‘законченный период времени’ и возводим это слово к глагольному корню *H₁eǵ- ‘идти’²⁵. Наконец, отметим, что в и.-е. праязыке имена голокинетического склонения служили для выражения грамматической семантики собирательности (‘Numerus Komprehensiv’ в терминологии Хайнера Айхнера) и использовались в качестве множественного числа от имен среднего рода — тут может крыться разгадка колебания значений *год* ~ *день*: ‘год’ (*H_xéǵōr) индоевропейцами понимался как череда, совокупность дней (*H_xóǵr). Эти соображения носят, однако, спекулятивный характер: с определенностью можно лишь сказать, что для и.-е. обозначения года можно предложить реконструкцию, не требующую восстановления ступеней аблаута -ē- и -o- в рамках одной парадигмы.

Что касается других слов, для которых предлагалась подобная апофония, то для всех их можно также предложить альтернативные решения:

Относительно арм. *iž*, *ižic*^с ‘гадюка, ящерица’ и др.-гр. ὄφις, на основании которых Шиндлер восстанавливает парадигму с чередованием *o/*ē в корне (Schindler 1994: 398), следует заметить, что реконструкция *H₁o/ē/ég^{wh}i- не исчерпывает всех возможностей: так, Пауль Видмер реконструирует *H₃ē/ég^{wh}i- (Widmer 1995: 57), нам, однако, ближе позиция Бриджит Олсен, которая отмечает, что *iž* можно интерпретировать как “a vṛddhi-derivative, -i- being another manifestation of the usual vṛddhi vowel -o-”, сопоставляя древнеиндийские образования *sarátha-* ‘of the same chariot’ vs. *sárathi-* ‘charioteer’, ав. *vārəθra-yna-* ‘victory’ vs. *vārəθra-yni-* ‘victorious’ (Olsen 1999: 828, прим. 21)²⁶; ὄφις в таком случае восходит к *H_xog^{wh}i-²⁷.

времени, день’, либо восстанавливаем корень *H₂eǵ- с очень расплывчатым значением ‘период времени’ и возводим к этому корню *H_xiǵr и *H_xéǵr.

²⁴ Согласно Эрику Хэмпфу, к праформе *H(o)ǵro- восходит алб. *herë* ‘время, час’ (Hamp 1989), тем самым в албанском можно было бы видеть дополнительный аргумент в пользу реконструкции *H₁óǵr; однако, алб. *herë* можно также считать заимствованием из лат. *hōra* (см. Orel 1998: 146 с богатой литературой).

²⁵ В нашей работе [Nikolaev 2003] мы проиллюстрировали обозначение временных отрезков через производные от корней со значением ‘идти, двигаться’ на примерах из почти всех и.-е. традиций.

²⁶ Обозначения животных часто заменяются «аппертинентивными»/«генитивными» образованиями от того же корня, ср. *suH_x-iH₂no-, вытеснившее *suH_x- в славянском и германском (Алан Нуссбаум, лекции 27.03.2001).

²⁷ Если ἔχιδις относится к тому же корню, то слово для ‘змеи’ можно реконструировать как *H₁og^{wh}i- (> ὄφις), Gen.Sg. *H₁eg^{wh}i-s; в форме генитива происходит «нормализация», т.е. замена окончания на продуктивное -os

Согласно Норберту Эттингеру, хетт. *išhunauuar* (КВо X 37) свидетельствует в пользу корневой -o- ступени в парадигме и.-е. слова для ‘сухожилия’, которое Эттингер восстанавливает как *sH₂néur / *sH₂néuns/ *sH₂noúén (Oettinger 1976: 93-97); однако Элизабет Рикен выступает против этой реконструкции, утверждая, что *išhunauuar* а) обозначает не тетиву, а, скорее, предплечье и б) представляет собой вторично образованный (“backformed”) Nom.Sg к основе на -au-: *išhunau*²⁸ (Rieken 1999: 360-361).

Если др.-ирл. *fíu* ‘достойный, хороший’, валл. *gwiw* восходят к пракельт. *uīhu- < *H₁uēsu²⁹, то мы имеем еще один пример на сосуществование ступеней аблаута -ē- и -o- (ср. *H₁uosu- > др.-ирл. *fó* ‘хороший’, пал. *wašū* ‘хорошие вещи’); однако такое возведение возможно лишь в том случае, если эпентеза -u- происходила до выпадения /h/, в противном случае мы будем вынуждены возводить *fíu* к врддхированному образованию *uīhuo-, на основании которого методологически неверно делать вывод о корневой апофонии деривационной базы (Widmer 1995: 57). Другую стратегию принимает Петер Схрайвер, который возводит кельтские формы к *H₁uēsu- (Schrijver 1995: 385-7).

Алан Нуссбаум реконструирует *H₁ēsu- > ḡú-, *H₁esu- > éú- vs. *H₁osu- > хетт. *āššū-*, *-uw-* ‘good’ (см. Nussbaum 1998: 150-152; к этому же корню он относит ἐάων и ἐῆος); однако остается возможность трактовать ḡús как метрическое удлинение³⁰ (Leumann 1950: 317, прим. 107, Beekes 1986: 367, прим. 5).

Наконец, остается и.-е. обозначение ‘печени’: ступень -ē- сохраняет древнегреческий (ἥπαρ), ступень -o- видна в латинском (Gen.Sg. *iocineris*³¹). Как показал в своем классическом исследовании Гельмут Рикс (Rix 1965), материал говорит в пользу изначального присутствия -o- лишь в основе косвенных падежей (тем самым делая

(*H₁eg^{wh}i-s >> *H₁eg^{wh}i-os); далее, согласно фонетическим законам древнегреческого языка лабиовелярный в позиции перед /i/ теряет лабиальный признак. Однако форма *H₁eg^hi-os должна была бы отразиться как ἥσσος; поэтому прагреч. *ek^hi-os заменяется на *ek^hi-os > ἔχιος (по аналогии к *ok^{wh}i-os > ὄφιος, «построенному» на основе Nom. *ok^{wh}i-), к которому закономерно «подстраивается» номинатив ἔχιος. Корневая апофония o/e указывает на акростатическое склонение.

²⁸ Дальнейшее сближение с др.-инд. *sānu-* ‘спина’?

²⁹ Реконструкция с *H₁ основана в первую очередь на гот. *iūsiza* ‘лучше’ < *eūsiz- с обычным для компаратива Schwebeablaut (ср. πολύς vs. πλείστος).

³⁰ Изначально в формуле ḡús τε μέγας τε ||?

³¹ К вариантам основы косвенных падежей этого слова (*iociner-*, *iocinor-*, *iecinor-*, *ieciner-*, *iecor-*) см. Rix 1965.

маловероятным предположение об ассимиляции гласных в форме Nom.-Acc. Sg. *iesur* > *iocur* и последующем распространении корневого -о- на всю парадигму). Рикс восстанавливает парадигму с чередованием ē~о~е в корне. Альтернативное решение проблемы предлагает Герт Клингеншмитт: «das auffällige *iocineris* muss durch Umstellung von *e-i-o* zu *o-i-e* aus *iecinoris* hervorgegangen sein [...]. Die Metathese diente wohl dem Zweck, die aus *itineris* usw. gewohnten Ausgänge *-ineris*, *-inerī* usw. herzustellen», сопоставляя *-dekem > *-dikem > (un)-decim (Klingenschmitt 1992: 118); это решение методологически привлекательно возможностью объяснить проблему латинского языка не выходя за пределы латинского же материала. Таким образом, у нас нет оснований восстанавливать -о- ступень в корне и напротив, как представляется, есть основания реконструировать акростатическую парадигму *(H_x)jĕk^w-r̥(-t), Gen.Sg. *(H_x)jĕk^w-ŋ-s, Loc.Sg. *(H_x)ik^w-en/-er, соответствующую нашим ожиданиям. В пользу исконного локатива Loc.Sg. *(H_x)ik^w-en/-er 'у печени' говорят данные ряда и.-е. языков: праслав. *jьkra-/*jьkro- (ст.-слав. **икра**, словен. *ikra*, чеш. *jikra* и др.), ср.-ирл. *i(u)chair*, Gen.Sg. *i(u)chrach* 'икра'³². Значение прежде всего говорит в пользу локатива: ср. деривационную модель *uódr̥ 'вода', Gen.Sg. *uédŋ-s, Loc.Sg. *ud-er/n 'в воде, у воды', *ud-er- ⇒ *ud-r-ó- 'то, что находится в воде/у воды' > др.-инд. *udrá-*, др.-гр. ὕδρα, др.-верх.-нем. *ottar*³³.

Итак, на основании вышеизложенных аргументов мы утверждаем, что и.-е. суффиксальные основы не знали корневой апофонии ē~о~е; локатив единственного числа в акростатической парадигме обладал структурой W_oS_eD_o.

ЛИТЕРАТУРА

- Казанский 1989 — Н.Н. Казанский. К этимологии теонима Гера // Палеобалканистика и античность / Отв. ред. В.П. Нерознак. Москва. 54-58.
 Ларин 1977 — Б.А. Ларин. Об архаике в семантической структуре слова (*яр ~ тур ~ буй*) // История русского языка и общее языкознание (избранные работы). Москва. 89-100.

³² Патриция де Бернардо Штемпель возводит эту форму к *(H_x)jĕk^w-r̥ + ī [de Bernardo Stempel 1999: 135, прим. 31], однако возможна и праформа *(H_x)ik^w-(ō)r-.

³³ Из материала, ранее к сравнению не привлекавшегося, отметим тарент. глоссу в словаре Гесихия ἰπνιασία· γαστήρ (связь с ἰπνίος маловероятна); к словообразованию ср. πρῦμις от πρῦμιη, таким образом, можно предполагать существование *ἰπνῶ/-ος 'то, что находится рядом с печенью'. Случаи, когда скудно представленный диалект Тарента сохраняет редчайшие архаизмы, известны, ср., например, ἄτα· ὠτα. Тем не менее, относиться к лексикографическому материалу следует с большой осторожностью.

- Николаев 2002 — А.С. Николаев. Этимология древнегреческого ὑβρις // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского / Отв. ред. Н.Н. Казанский. 24-26 июня 2002 г. Санкт-Петербург. 126-131.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Отв. ред. О.Н. Трубачев. Т. 1-29. Москва, 1974-.
- Balles 2000 — I. Balles. Die altindische Cvikonstruktion: Alte Deutungen und neue Wege. In: B. Forssman und R. Plath (hrsgg.). Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik (Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen). Wiesbaden. 25-36.
- Beekes 1986 — R.S.P. Beekes. Homeric ἐμεῖο, Mys. *toe* and the PIE nominal and pronominal genitive singular. In: A. Etter (hrsg.). O-o-pe-ro-si: Festschrift für Ernst Risch zum 75. Geburtstag. Berlin-New York. 365-371.
- Cowgill 1965 — W. Cowgill. Evidence in Greek. In: W. Winter (ed.). Evidence for Laryngeals. Mouton: The Hague. 142-180.
- García-Ramón 1999 — J.L. García-Ramón. Griechisch Ζητήρ·Ζεὺς ἐν Κύπρῳ, vedisch yātár ‘Rächer’ und die Vertretung von *j- im Griechischen. In: H. Eichner, H.-Chr. Luschützky, V. Sadovski (hrsg.) Compositiones Indogermanicae in Memoriam Jochem Schindler. Praha. 77-96.
- Hamp 1989 — E.P. Hamp. The Indo-European obstruent features and phonotactic constraints. In: Th. Vennemann (ed.). The new sound of Indo-European. Berlin-New York. 209-213.
- Hawkins 2000 — J.D. Hawkins. Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. 1: Inscriptions of the Iron Age (Studies in the Indo-European Languages and Cultures, N.S. 8.1). Berlin-New York.
- Hoffmann-Forssman 1996 — K. Hoffmann, B. Forssman. Avestische Laut- und Flexionslehre (IBS 84). Innsbruck.
- Joseph 1980 — L.S. Joseph. Problems in the development of the Indo-European Laryngeals in Celtic. Неопубликованная диссертация. Harvard, 1980.
- Klingenschmitt 1992 — G. Klingenschmitt. Die lateinische Nominalflexion. In: O.Panagl u. T. Krisch (hrsgg.). Latein und Indogermanisch: Akten des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft, Salzburg, 23.-26. September 1986 (IBS 64). Innsbruck. 89-135.
- Leumann 1950 — M. Leumann. Homerische Wörter. Basel.
- Mayrhofer 1986 — M. Mayrhofer. Indogermanische Grammatik. Bd. I/2. Heidelberg.
- Melchert 1984 — H.C. Melchert. Studies in Hittite Historical Phonology. Göttingen.
- Melchert 1993 — H.C. Melchert. Cuneiform Luvian Lexicon (Lexica Anatolica 2). Chapel Hill.
- Melchert 1994 — H.C. Melchert. Historical Anatolian Phonology. Amsterdam-Atlanta.
- Nikolaev 2003 — Aind. *abda-* und Zubehör. В кн.: Н.Н. Казанский (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований). Т. 1. СПб. 103-117 (в печати).
- Nussbaum 1999 — A.J. Nussbaum, *Jocidus: an Account of the Latin Adjectives in -idus. In: H. Eichner, H.-Chr. Luschützky, V. Sadovski (hrsg.) Compositiones Indogermanicae in Memoriam Jochem Schindler. Praha. S. 377-420.

- Nussbaum 1998a — A.J. Nussbaum. Severe Problems. In: J.Jasanoff, H.C. Melchert and L. Oliver (eds.) *Mir Curad, Studies in Honor of Calvert Watkins (IBS 92)*. Innsbruck. 521-538.
- Nussbaum 1998 — A.J. Nussbaum. Two studies in Homeric and Greek linguistics (*Hypomnemata* 120). Göttingen.
- Nussbaum 1986 — A.J. Nussbaum. *Head and Horn in Indo-European (Studies in Indo-European Language and Culture 2)*. Berlin-New York, 1986.
- Nyman 1985 — M. Nyman. $\bar{e}/\bar{o}/a$ as an Ablaut Pattern in Indo-European. *IF* 90: 55-61.
- Oettinger 1998 — N. Oettinger. *Rec. ad op.*: Melchert 1994. *Kratylos* 43: 96-108.
- Oettinger, 1976 — N. Oettinger. Indogermanisch $*s(h_2)neur/n$ 'Sehne' und $*(s)men$ 'gering sein'. *MSS* 35: 93-105.
- Olsen 1999 — B.A. Olsen. *The Noun in Biblical Armenian: Origin and Word-Formation (with special emphasis on the Indo-European heritage)*. *Trends in Linguistics: Studies and Monographs* 119. Berlin-New York.
- Orel 1998 — V. Orel. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden-Boston-Köln.
- Peters 2002 — M. Peters. Aus der Vergangenheit von Heroen und Ehegöttinnen. In: M. Fritz und S. Zeilfelder (hrsgg.). *Novalis Indogermanica: Festschrift für Günter Neumann zum 80. Geburtstag (Grazer Vergleichende Arbeiten 17)*. Graz. 357-380.
- Peters 1997[2002] — M. Peters. *Indogermanische Chronik* 35. T. 3. Die Sprache 39/3: 94-129.
- Peters 1989 — M. Peters. *Sprachliche Studien zum Frühgriechischen*. Неопубликованная докторская диссертация. Wien.
- Peters 1980 — M. Peters. *Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen (SbÖAW, Bd. 377)*. Wien.
- Rieken 1999 — E. Rieken. *Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen (StBoT 44)*. Wiesbaden.
- Rix 1981 — H. Rix. *Rapporti onomastici fra il panteon etrusco e quello romano*. In: *Gli Etruschi e Roma. Incontro di studi in onore di Massimo Pallottino*. Roma: 104-126 (= *Kleine Schriften: Festgabe für Helmut Rix zum 75. Geburtstag*. Ausgewählt und herausgegeben von Gerhard Meiser. Bremen, 2001. 272-294).
- Rix 1965 — H. Rix. Lat. *iecur, iocineris*. *MSS* 18: 79-92.
- Schindler 1994 — J. Schindler. Alte und neue Fragen zum indogermanischen Nomen. In: J.E. Rasmussen (hrsg.). *In Honorem Holger Pedersen*. (Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft, Kopenhagen 1993). Wiesbaden. 397-400.
- Schindler 1982 — J. Schindler. Zum Nom. Sing. der *nt*-Partizipien im Jungavestischen. In: E. Neu (hrsg.). *Investigationes Philologicae et Comparativae*. Gedenkschrift für Heinz Kronasser. Wiesbaden. 186-209.
- Schindler 1980 — J. Schindler. Zur Herkunft der altindischen *cvi*-Bildungen. In: M. Mayrhofer, O. Pfeiffer, M. Peters (hrsg.). *Lautgeschichte und Etymologie (Akten der 6. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft)*. Wien. 386-393.
- Schindler 1975 — J. Schindler. L'apophonie des thèmes indo-européens en *-r/n*. *BSL* 70/1: 1-10.
- Schrijver 1995 — P. Schrijver. *Studies in British Celtic Historical Phonology*. Amsterdam-Atlanta.
- Schwyzler 1936 — E. Schwyzler. *Griechische Grammatik*. München.
- Solmsen 1903 — F. Solmsen. $\Delta\acute{\iota}\zeta\eta\mu\alpha\iota$, $\delta\acute{\iota}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$ und $\delta\acute{\iota}\zeta\omega$. *IF* 14: 426-438.

- Starke 1990 — F. Starke. Untersuchung zur Stammbildung des keilschrift-luwischen Nomens (StBoT 31). Wiesbaden.
- Tremblay 1999/2000 — X. Tremblay. Rec. ad op.: Melchert 1994. Archiv für Orientforschung 46-47, 1999/2000, 215-226.
- Tremblay 1998 — X. Tremblay. Études sur les noms suffixaux athématiques de l'Avesta. Неопубликованная диссертация. Paris.
- Vaillant 1974 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. 4. La formation des noms. Paris.
- Waag 1941 — A. Waag. Nirangistan: der Awestatraktat über die rituellen Vorschriften (Iranische Forschungen 2). Leipzig.
- Widmer 1995 — P. Widmer. Nartenomen. Неопубликованная магистерская диссертация. Bern.